

Школа общины с отцом Хулианом Карроном

Милан, 25 марта 2015 г.

Тема: Л. Джуссани. Зачем Церковь. Глава третья

- *Inno delle scolte di Assisi*
- *Negra sombra*

Давным-давно, в один прекрасный день, похожий на сегодняшний, в истории случился прорыв, благодаря которому для человека открылся путь к цельности. Чтобы осознать, что цельность возможна, что все исполнено Его присутствия, необходима сердечная простота Богородицы.

Ангел Господень

Мы работали над третьей главой книги «Зачем Церковь», в которой отец Джуссани помогает нам понять, почему нам с таким трудом даются христианские слова. С чем связана трудность? Почему так часто мы ощущаем некую отчужденность? Причина кроется в нехватке «изначальной созвучности» (С. 34) с тем, что мы хотим познать. Джуссани поясняет свою мысль примером об альпинистах, успевающих утомиться еще до начала восхождения. Историческая обстановка, в которой мы родились, требует огромного терпения: лишь оно позволяет согласиться проделать определенный путь и не отступить со словами: «Это невозможно!» Тем временем в Риме произошла встреча с папой Франциском, в которой мы все так или иначе приняли участие. Многие из нас присутствовали на площади. Пережив этот опыт, каждый может увидеть, что случилось. Подобные события не отвлекают нас от работы на школе общины – напротив, они становятся своеобразной проверкой, показывающей, в какие моменты в нас побеждает отчужденность, упоминаемая отцом Джуссани. Школа общины и встреча в Риме не находятся в параллельных плоскостях. Так что давайте начнем.

Я чуть лучше поняла, что такое разрушение очевидностей. День за днем это выражение все больше означает для меня потерю из виду истины вещей,

потерю из виду сути. Перед лицом ежедневных событий, я немного рискую удариться в толкование фактов в свете моих чувств, настроений, мыслей и порой уже не в состоянии отличить истину конкретных вещей от собственных интерпретаций. Как я замечаю этот хаос? Чаще всего я недовольна, концы не сходятся с концами. И тогда мне важно не быть правой или найти подтверждение моим идеям, а встретить то, что меня спасет, поскольку вещей, как я их вижу, недостаточно. Мне часто приходила на ум песня Кьеффо: «Как горько, любовь моя, / видеть вещи, как вижу их я». То есть не достаточно. Поэтому мой вопрос заключается в следующем: как уйти от двусмысленности? Безусловно, я не могу избежать того, что вещи пробуждают во мне, но зачастую мое суждение весьма ограничено и не охватывает всех факторов.

Тебе как-то помогла встреча в Риме? Она что-то тебе подсказала? Ты пережила какой-то опыт, позволивший понять, как уйти от двусмысленности?

Да, я осознала, что есть объективная точка, в которую я могу возвращаться.

И какова объективная точка, на которую следует смотреть, чтобы не угодить в очередной раз в ловушку бесчисленных интерпретаций?

В Риме это стало очевидным, ведь там мы стояли перед папой, который указал нам...

Этого недостаточно! Многие участвовали в аудиенции, и каждый уехал со своим мнением. Если даже столь важное событие не избавляет нас от интерпретаций, как тогда быть? Приглядишься к тому, что с тобой произошло, это поможет тебе понять.

Я перечитала главу, имея в виду один вопрос. Текст знаком мне довольно хорошо, он неоднократно проливал для меня свет на современный культурный контекст. Однако в последние недели я перечитывала его с более личным вопросом, который сформулировала бы так: в какие моменты и каким образом происходит во мне вытеснение Бога из жизни, отметившее переход от средневековья, когда, согласно главе, Бог имел отношение ко всему, к Новому времени, с трудом принимающему религиозный фактор за определяющий. Вопрос в том, как я замечаю эту альтернативу в себе и в нас, ходящих каждый день на мессу и совершающих крестное знамение перед едой? Мне кажется, самый настоящий

практический, а не теоретический атеизм проникает в мою жизнь, когда мое отношение с реальностью и людьми подчинено моим планам и не проживается как ответ на происходящее. Я ясно вижу эту альтернативу: воспринимать мое время и мои действия как плод моих проектов или же как ответ. Проект стремится полностью устранить Тайну, поскольку в конечном итоге над реальностью и людьми утверждается нечто, подчиняющее себе реальность и человеческую свободу, хотя мои намерения вполне могут быть благими. В этом для меня, пожалуй, главный признак отдаленности от Тайны, благодаря которому видно, что я воспринимаю себя самодостаточной, самонадеянной, нацеленной на успешный результат не только в профессиональной сфере или в отношениях, но даже в области религии. Часто мои проекты доходят до парадокса: я пытаюсь придумать, как заставить произойти чудо или то, что спасет дорогого мне человека. Такие проекты неизбежно и неумолимо приносят больше всего горечи и боли или, по крайней мере, разочарования. Замечая же совершенно иную альтернативу, я стремлюсь уловить знаки происходящего и следовать за ними, возможно, с энтузиазмом, душевным подъемом и определенной дерзостью. Следовать за чем-то, произошедшим ранее. Следуя таким образом, я замечаю, что мой взгляд стремится уловить Присутствие, в существовании которого я не сомневаюсь. Выбор между проектом и ответом, между проектом и знаком стоит перед нами не только в важные моменты жизни; я замечаю, как он пронизывает ткань повседневности: работу, отношения в семье и с друзьями, планы на отпуск, самые банальные решения. И я вижу, как от него зависит возможность быть радостной и приносить плоды. По-моему, больше всего к такой позиции меня парадоксальным образом призывает то, что мне меньше всего хотелось бы ощущать: жгучее осознание собственной ограниченности и, осмелюсь добавить, поскольку об этом сказал и папа, моего греха.

Почему?

Оно отсылает меня с самой себе, к подлинному взгляду на саму себя, а не на некую проекцию и не на некий образ меня, потому что моему настоящему «я» знаком опыт ограниченности и греха.

Как это помогло тебе переживать встречу в Риме?

Для меня это сыграло решающую роль. Должна сказать, что приехала в Рим с внутренним ощущением острого несоответствия. И поэтому, когда я услышала, как папа говорил о милосердии и грехе – если не ошибаюсь, он

назвал грех главным местом встречи, это меня буквально распахнуло навстречу бескрайнему желанию, открыло меня к стремлению и к поиску того, что я признала особенно соответствующим.

Я написал тебе, поскольку ощущал в этом потребность, да и сейчас еще ощущаю. И уже это для меня не само собой разумеется, потому что в последнее время, скажем, с Рождества, все преграждает мне путь – вещи, мои действия, события, происходившие со мной. Мне кажется, будто у меня нет больше потребностей, я больше не чувствую жажды и голода, не чувствую вкуса жизни – сама по себе она не пресная, но у меня словно нет нужды в соли. Я отсутствую перед лицом реальности, мое пребывание в ней неплодотворно и порой неистинно. Или даже насильственно, когда я пытаюсь взять от жизни все любыми средствами, или же оно зияет пустотой. Кажется, ничто не в силах тронуть меня. В третьем подпункте третьего пункта третьей главы говорится о том, что гуманисты перестали воспринимать Бога как того, кто касается всей полноты реальности. Цитирую: «Смысл жизни уже никак не связан [с Богом], так как уже не в Нем сосредотачиваются все желания и представления» (С. 45). Прочитав это, я вздрогнул, поскольку именно это со мной и происходит. Из-за такой позиции реальность разделяется, а значит, и Бог из нее вытесняется, отчуждается от нее. В общем, эта фраза в точности описывает меня. Меня переполняло то, что случилось на Рождество, в чем я участвовал, что делал. Настоящее переживание Воплощения пробудило во мне благодарность. Потом, однако, все пошло на убыль. Я стал замечать, что не чувствую больше прежней полноты, подлинной и великой. Что бы я ни переживал, плохое или хорошее, мне ничего не удавалось удержать. Недавно я разговаривал с одним священником, и он мне сказал: «Причина в том, что ты потерял точку опоры». Это правда, для меня не существует больше сердцевины, того, ради чего стоит жить и делать все то, что я делаю. После Рождества я понял, что наслаждаться вещами можно, лишь делая что-то для других. Когда же этого нет, меня выбивает из колеи. И поэтому я хочу задать тебе важный вопрос: как мне со всей моей слабостью вновь обрести точку опоры? Как вновь начать говорить: жизнь для меня – Христос? Я уверен, такая жизнь гораздо лучше, и ты получаешь во сто крат уже сейчас. Но «гуманизм», о котором говорит текст школы общины, меня не оставляет, или же я сам не хочу от него отречься.

А твой опыт не подсказывает тебе никакого ответа на этот вопрос?

В определенные моменты, и их по-настоящему много, я чувствовал себя как в Рождество: во мне были и полнота, и благодарность. И мне казалось, я нашел, что искал, точнее, нашел, что ищу. Но это все... не говорю: преходяще... И потом, порой я сбиваюсь с дороги, поскольку замыкаюсь в себе и думаю только о себе.

И что ты понимаешь о себе?

Что мне постоянно нужна точка опоры.

Вот это нас и поражает! Часто мы полагаем, будто христианская встреча все упорядочит раз и навсегда, а потом снова оказываемся перед нагромождением отдельных частей реальности, которые не в силах соединить.

Совершенно верно.

В чем причина такого разложения?

В недостаточном вовлечении в реальность. Прочитаю отрывок, поразивший меня в главе: «Истоки этого ослабления целостного мышления в отношении религиозной проблемы лежат в неискоренимой способности человеческой души, в несчастной способности пренебрегать реальностью в ее полноте, в недостатке интереса и любопытства» (Ср. С. 42). И чуть выше: «Жизнь – это сплетение событий и встреч, побуждающих сознание и производящих разного рода проблемы. Проблема – не что иное, как динамичное выражение реакции на провоцирующие столкновения. Смысл жизни (как и вещей, связанных с ней или важных для нее) достигим лишь для тех, кто в полной мере вовлекается в проблематику жизни» (Ср. С. 41). Дело, таким образом, в недостаточном вовлечении в реальность. И именно это я в первую очередь замечаю в собственных действиях. Невероятно, но больше всего я вижу это на каритативе, где мы помогаем людям найти работу. Безработный человек, помимо того, что переживает драму отсутствия денег, теряет связь с реальностью, перестает вовлекаться в реальность и потому не в состоянии идти вперед. Поэтому первая помощь заключается в том, чтобы восстановить связь с реальностью, даже если для этого придется работать полдня бесплатно. Месяц назад мы встретили одного молодого человека (ему двадцать один год), который не работает вот уже полгода. Он пребывает в полном ступоре. Я ему сказал: «Слушай, мы должны вернуться в реальность, иначе нам не сдвинуться с места». А он ответил: «Ты прав! Знаешь, у меня есть одна

страсть – музыка, я ее пишу и исполняю. Но с тех пор как я потерял работу, я ничего не сочинил и ни разу не играл, хотя у меня полно времени». Мы созвонились через три недели, я хотел узнать, как у него дела. Он сказал: «Я нашел работу и снова играю».

А еще ты мне рассказывал о каменщике, который не мог не работать. В его компании перестали платить деньги, и пока остальные устраивали забастовку, он, благодаря тому, что с ним произошло, когда он встретил вас, один продолжал работать. И не прекращал долгое время. Наконец, перед ним встала задача, для решения которой ему не доставало технических знаний. Тогда он пошел за советом к коллеге-эксперту, который бастовал со всеми. И тот ему сказал: «Объясни, почему ты работаешь?» – «Со мной что-то произошло, и я больше не могу не работать, не могу болтаться без дела. Ты можешь мне помочь с этой технической проблемой?» Разговор закончился. На следующий день каменщик как обычно приходит на работу и встречает этого коллегу, который начинает работать вместе с ним и говорит: «Я за сорок лет ни разу не приходил на работу таким довольным!» Что делает «я» столь цельным? Что способно настолько пробудить его? Тут не помогут титанические усилия. Нужно обратиться к словам папы в Риме: нравственность не плод усилия, а взволнованный ответ на происходящее событие. Представьте себе: что заставило того коллегу с любопытством войти в реальность? Он увидел, как работает другой. Вообразите, какая внутренняя борьба должна была разворачиваться в нем каждый день перед лицом человека, работавшего, несмотря на забастовку. Это любопытствующее вовлечение в реальность позволило ему однажды сказать: «Объясни, почему ты продолжаешь работать?» И тот, другой, не мог не сказать ему, что с ним произошло во встрече со Христом, что пробудило его, что помогло войти в полноту реальности и сделало жизнь столь полноценной. Единство, цельность жизни рождаются именно на этом уровне. Вот почему необходимо иметь в виду все факторы, чтобы собственными глазами увидеть, откуда возникает возможность достичь цельности, единства «я», к которым мы все стремимся. Это всеобщее желание, и потому нет необходимости, как мы часто думаем, принуждать людей. Один человек пишет мне, что иногда ему хочется подчинить себе свободу других, если те воспринимают истину вещей не так, как он: «Порой я не люблю свободу другого, и мне хотелось бы сломить ее, навязать ей мое видение истины. Как можно любить другого таким, какой он есть, даже в тех случаях, когда он не признает

истинным то, что истинно для меня, как любить истину в ее полноте?» Как бросить вызов свободе другого, не ограничив ее?

Мне приходит в голову первокурсник сицилиец, мы учимся в одном университете в Милане (только я на четвертом курсе) и вместе ходим на школу общины. Он немного рассказал мне о своей жизни и о том, как ему нелегко: все родные и друзья на Сицилии, он сам живет в квартире с другими ребятами, но они не особо разговаривают, а с одним даже поругались. В отношении с нами он потихоньку стал меняться и замечать каждую деталь: как мы едим, как учимся, как проводим свободное время. Как-то раз я спросил: «Хочешь поехать с нами к папе?» Он тут же ответил да, а в автобусе по дороге в Рим сказал: «Я должен поделиться тем, что случилось вчера [я пригласил его на школу общины, и он пришел]. Я видел, как вы живете, и рядом с вами смог даже получить удовольствие от экзамена... Я хорошо знаком только с тобой, но кажется, что все меня любят, я словно оказался в семье. Никогда ничего подобного я не видел. После школы общины я вернулся домой и стал ждать возвращения моего соседа, с которым мы поругались, чтобы спросить, как у него дела. В нашем холодильнике у каждого своя полка. У меня был кусок лосося. И я подумал: пожалуй, разделю его с ним». И они впервые ужинали вместе – один напротив другого. До приезда папы на площади показывали видео, где Джуссани говорит о том, как Андрей вернулся домой. И я заплакал, потому что, глядя на моего друга, думал: с ним и со мной произошло то же, что и две тысячи лет назад. Мне представилась эта сцена: тот же дом, те же ребята, но мой друг возвращается после школы общины и начинает говорить с соседом по квартире, с которым они чуть не подрались. После Рима я отправился в Неаполь, а через три дня вернулся в Милан, и мои однокурсники спрашивали: «Как было в Риме?» И как же? Я об этом говорил лишь с моим новым другом. А он уже успел рассказать всем! Только мы увиделись, он попросил у меня номер журнала «Трассе». Два дня назад мы обедали с однокурсниками. Приближалось время молитвы «Ангел Господень», и я подумал: «Как я сейчас им скажу, что иду молиться?» И тут поднимается мой друг, поворачивается к остальным и говорит: «Ребята, я иду вместе с ним на молитву. Вы с нами?» К слову о разрушении очевидностей: глядя на моего нового друга, я понимаю, насколько считаю очевидности само собой разумеющимися.

И почему, как ты думаешь, этот молодой человек смог с такой ясностью выявить отличие вашего образа жизни? В любом обстоятельстве мы

проверяем прочитанное в книге. Так что же позволило ему признать жизнь Церкви в том, как вы едите, учитесь, живете?

Полагаю (это верно и для меня), его нужда.

Нужда! Джуссани прямо так и говорит! Твой друг не думал о том, в чем нуждался, но именно нужда помогла ему уловить жизнь! Благодаря нужде он сразу же узнал ответ. И в чем это видно? В его изменении, которое не было результатом тренировок или усилий. Вот где – повторим еще раз – начинается нравственность. И это мы должны искать в нашем опыте. Какие события, происходящие между нами, помогают нам понять слова папы, принять их не как отвлеченную речь, а как изумление перед тем, что происходит? Когда молодой человек, который месяцами не разговаривает со своим соседом по квартире, вдруг безумно хочет дождаться его и поужинать вместе, от чего рождается это желание, если не от взволнованного ответа на то, что с ним случилось? И так далее. Откуда рождается единство – не только единство отдельного «я», но и единство между нами? От наших усилий? Его порождает мы, когда нам удается договориться? Мы переживаем тот же опыт, какой пережили двое апостолов, уходя от Него, «они попрощались, не прощаясь», поскольку стали одним целым. Вот это нам и нужно понять.

Вернувшись из Рима, я стал тонуть в попытках проанализировать то, что понял или не понял в обращении папы.

И что тебя спасло от потока рассуждений, от рационалистических толкований?

Один человек не из Движения, которого мы пригласили в Рим, спустя несколько дней написал мне следующее сообщение: «Жизнь – странная штука. Ты изворачиваешься, как можешь, но в конце концов оказываешься в Риме с настоящими людьми и подзаряжаешься, как батарейка. Потом ты возвращаешься домой, а заряд все еще держится. Со мной такое впервые. Обычно это было скорее похоже на укол антибиотика, который притуплял боль, но хроническая болезнь всегда дает рецидивы. Спасибо». Меня его письмо не только растрогало, оно помогло мне лучше понять слова, сказанные папой вначале: «Все в нашей жизни – сегодня, как и во времена Иисуса – начинается со встречи».

И эта встреча не просто притупляет боль. Недостаточно искать в отношениях друг с другом лишь временного облегчения. Важно обрести полноту, которую невозможно потерять.

Я учусь в университете и хочу рассказать, какое открытие сделала благодаря встрече в Риме. Я на нее не попала, потому что мои родители были против. Когда друзья пригласили меня, я много размышляла, почему нужно ехать, действительно ли оно того стоит – мне казалось неправильным соглашаться не будучи уверенной. Я прочитала твое письмо, поговорила с друзьями и поняла, что для меня было бы крайне важно присутствовать на аудиенции, поскольку она в полной мере выражала мою встречу с Движением в университете. Уверенная в причинах, я решила рассказать родителям. Они, даже не слушая и не пытаясь принять всерьез мои слова, запретили мне ехать. Я настаивала, но отец был неумолим: «У тебя слишком много дел. Ты не можешь всегда делать все. Нужно выбирать. Тебя почти никогда нет дома. В мире существует не только Движение». Расстроенная и разочарованная, оставшееся до встречи время я провела, задыхаясь в образовавшейся атмосфере, глядя, как мои друзья готовятся к поездке в Рим, и будучи не в силах переубедить родителей. Утром 7 марта мне пришлось выйти по делам, и поэтому я попросила отца записать встречу. Когда я вернулась, он сидел перед телевизором и смотрел последние моменты аудиенции. Потом он подошел ко мне и сказал: «Знаешь, мне немного совестно, что я запретил тебе поехать». Я удивилась этому признанию и после некоторого замешательства спросила почему. «Я посмотрел встречу по телевизору. Папа сказал прекрасные вещи, и я был бы рад, если бы моя дочь присутствовала при этом. Хочу попросить у тебя прощения. Мне очень жаль». Он застал меня врасплох, и я настолько удивилась, что не могла произнести и слова! Еще никогда мой отец не извинялся передо мной за принятые решения. Он действительно осознал важность той встречи и стал в полной мере человеческим и настоящим по отношению ко мне. Позже я посмотрела запись аудиенции, и отец захотел пересмотреть и обсудить ее со мной. Для меня это был очень важный момент, он помог мне осознать значение аудиенции, на которой я не присутствовала. Так парадоксальным и неожиданным образом Рим стал основополагающим шагом в отношениях с моим отцом, и я вижу, как они расцветают.

Спасибо. Твой рассказ впечатляет, потому что даже те обстоятельства, которые, на первый взгляд, направлены против нас, могут стать частью

события. Как говорится в третьей главе, «на все воля Божья» (С. 36). Нам заведомо неизвестно, как Бог использует обстоятельство (невозможность исполнить наше желание), чтобы произошло нечто, совершенно не вписывающееся в наши представления. Именно благодаря этому, мы понимаем, кто такой Бог, открывая, насколько Он касается любого аспекта существования. Пытаясь отбросить что-либо за рамки реальности, за рамки жизненных обстоятельств, мы постоянно останавливаемся, потому что не готовы принять тот способ, каким Бог сообщит нам, кто Он. Это глупо, ведь, не увидев, как Бог может использовать определенные обстоятельства, мы хотим избавиться от них – нам кажется, что они нас не касаются. Но в один прекрасный момент осознаем, что касаются, и еще как! Подруга, так Тайна вновь даровала тебе то, что, как ты полагала, она отняла.

Я приехал к папе, умоляя о великом и конкретном Присутствии, столь же конкретном, как конкретен отец для сына. И в каком-то смысле это оказалось просто. Дело в том, что в последнее время в моей жизни есть серьезная проблема, а потому участия в масштабной встрече с целью отпраздновать что-то было мало.

Как и для меня!

С другой стороны, я видел, с каким любопытством ты готовился ко встрече с папой, и доверился тебе. Сейчас я не хочу переворачивать страницу: вернемся, мол, к школе общины, оставим Рим в скобках. Я не хочу забыть о том, как слова, сказанные нам папой, поразили меня. Поэтому я перечитал тексты еще раз, не делая поправок ни себе, ни тебе. Мне важно было понять, как понял ты слова папы о необходимости сместить центр с харизмы и поставить в центр Христа и не противоречат ли они тому, о чем мы постоянно говорим. В моей жизни харизма отца Джуссани, находящая свое продолжение в компании Движения и в твоей компании, есть рука Иисуса, касающаяся именно меня. Честно говоря, передо мной нет более прямой дороги, ведущей к Иисусу, кроме той, что пролегает через харизму. Не знаю, для тебя тут нет противоречия?

Отвечая на этот вопрос, попробую обобщить то, что мы вместе пережили. Мы поехали в Рим, чтобы задать папе один вопрос: как не утратить свежесть харизмы. Тот же самый вопрос сам папа поднял на встрече с церковными движениями, и ответ на него крайне важен. Как же ответил папа? Для меня – поскольку тебе интересно, что произошло для меня – он ответил не только на словах. Христос нам ответил через произошедшее.

И каждый должен посмотреть на то, что произошло, ведь мы не были на площади сами по себе, нет, каждый присутствовал лично, но и вместе с остальными. Так что же произошло? Для каждого это был момент проверки. Мы уже слышали в одном из выступлений рассказ о молодом человеке, который сумел понять, что произошло, в свете собственной нужды. На площади Святого Петра мы все могли заметить, с какой нуждой приехали (я говорю не о наших фантазиях на тему нужды, но о реальной нужде и об открытости сердца!) и что произошло. Можно ведь участвовать в событии и ничего не увидеть. Как раз об этом говорится в самом начале книги «Зачем Церковь». Недостаточно видеть жизнь Церкви, чтобы признать ее. Согласно Джуссани, наша проблема – в нехватке открытости, религиозного чувства, из-за которой мы не понимаем, не улавливаем сути происходящего. Аудиенция помогла всем нам заметить в себе один из трех подходов, о которых мы читали во второй главе. Кто-то попал в ловушку множества мнений, то есть не пережил чего-то настолько значительного, что было бы важнее интерпретаций. Другие ощутили сентиментальный пыл, который, однако, оказался под вопросом, как только высказали свое мнение средства массовой информации. Наши друзья из Бразилии рассказали, как на следующий день, заглянув в газеты, они решили, что единственный способ сохранить первоначальный пыл – ничего не читать! И это несмотря на только что пережитый опыт! Наконец, есть те, кто участвовал в аудиенции в полной мере по-человечески, и это освободило их от рационализма, от собственной меры, от интерпретаций, и ничто не могло отнять у них произошедшее, а потому оно продолжается и сегодня. Каждый из нас пережил в Риме некий опыт, а проверка этого опыта – в том, что последовало за встречей, в том, как мы восприняли различные интерпретации – тех, кто «внутри», и тех, кто «снаружи» (по существу нет никакой разницы, нет никаких «внутри» и «снаружи»). Со слепорожденным произошло событие, но Иисус не остался с ним после совершения чуда, Он не сказал ему: «Я буду рядом, и так мы сможем дать отпор фарисеям, которые придут, чтобы уничтожить тебя своими интерпретациями». Нет, Иисус исцелил его, позволил ему пережить опыт, помогавший не попасть в западню интерпретаций или попыток сберечь пережитый пыл. А затем Он ушел: «У тебя есть все необходимое, чтобы встретить лицом к лицу любые обстоятельства». Каждый из нас должен посмотреть на то, что с ним произошло. По-прежнему ли мы в замешательстве, по-прежнему ли в западне, или же мы подобны слепорожденному, которого все трудности, все вызовы еще больше убедили в пережитом: «Мне не нужно ничего кроме того, что произошло».

Слепорожденному достаточно было простой честности по отношению к тому, что совершил с ним Тот Человек: «Раньше я не видел, а теперь вижу». И ничто не поколебало этой его позиции. Поэтому, когда работа, или различные проблемы, или интерпретации, или жизненные трудности бросают нам вызов, мы должны посмотреть, случилось ли с нами то же, что и со слепорожденным. И чтобы проверить событие, произошедшее в Риме, нам следует не только возвращаться к приобретенному там опыту, но и быть внимательными ко всему, что случилось после. Постепенное постижение встречи в Риме, позволит нам впоследствии уловить все глубинное значение события. Когда человек ясно осознает собственную нужду, у него нет сомнений по поводу того, *что* действительно важно. Для меня лично то, как папа говорил о Христе, событие Христа, которое вновь произошло во мне в свете моей нужды, моего греха, моей неполноценности, стало источником благодарности и радости, а вместе с тем освобождения от моих тревог, от моего рационализма, от моего ограниченного взгляда на себя самого и на реальность. Однако некоторые люди сразу после окончания аудиенции стали жертвами интерпретаций. Как же нам понять, что произошло? Достаточно лишь сравнить пережитое с парадигмой встречи. А какова парадигма встречи, о которой отец Джуссани не уставал напоминать нам (как сделал и папа 7 марта)? Цитирую: «Представьте тех двоих, которые несколько часов кряду слушают Его, а после собираются домой. Он провожает их, и они уходят притихшие, молчаливые [вот первый пункт проверки: что заставляет нас замолчать?], охваченные впечатлением, что услышали, предощутили, ощутили тайну [второй пункт: охваченные чем-то]. Затем они расстаются, каждый идет к себе домой [так же и мы: прощаемся друг с другом, садимся в поезд и едем домой]. Они не прощаются, вернее, прощаются, не прощаясь, потому что их переполняет одно и то же [третий пункт], они стали как бы одним целым, ибо были переполнены общим чувством [не потому, что они вместе – каждый идет к себе домой, но они уходят домой, переполненные одним и тем же, они остаются вместе, даже когда расходятся по домам, ведь их объединяет самое дорогое]. Андрей входит в дом, снимает плащ, и жена спрашивает его: “Что с тобой, Андрей? Ты сам не свой [четвертый пункт]. Что случилось?” [как, возможно, произошло с нашим новым другом: «Да что с тобой? Мы чуть было не подрались, уже месяц не разговариваем... С чего это ты ждешь меня на ужин и спрашиваешь, как дела?»] Представьте себе, как Андрей разрыдался, обняв жену, и она, потрясенная, все спрашивала его: “Что с тобой?” А он обнимал жену, как, может быть, никогда в жизни; он стал другим человеком [пятый пункт]. Другим! Это был он же, но уже другой. Спроси его кто-нибудь: “Кто ты?” – он ответил бы: “Я чувствую, что стал другим...”

Послушав того человека, я стал другим”» (L. Giussani. *Il tempo e il tempio. Dio e l'uomo*. Milano: BUR, 2014. P. 48). Каждый может увидеть, что произошло. Это и есть харизма! «Случилась» ли она в Риме? Как она «случилась»? В каком бы расположении духа ни приехал каждый из нас, если он был открыт, то ему удалось сместить внимание с собственных тревог, с собственных путаных мыслей, и Христос вновь привлек его. Так вот, помня об этом, мы должны перечитывать обращение папы, чтобы понять, что значит «децентрализация». Мы всегда говорили на школе общины: «*In manibus nostris sunt codices, in oculis nostris facta*» – «В наших глазах – факты, в наших руках – книги» (Sant'Agostino. *Sermo sancti Augustini cum pagani ingrederentur*). Перечитаем слова папы с этой точки зрения, чтобы понять и не противопоставлять вещи, никоим образом не противостоящие друг другу. Христос позволил произойти событию, и мы должны это осознать, потому что, если событие не происходит вновь, мы не способны выйти из центра. Оно должно постоянно повторяться. И именно об этом Джуссани непрестанно говорил нам, ведь часто мы, даже живя харизмой (необязательно уходить из Движения, можно продолжать жить харизмой!), сбивались с пути. Вот его слова, сказанные в 1982 году (я уже цитировал их в 2013 году на упражнениях Братства): «Во время недавней встречи в Милане я отметил, что за эти годы, за почти пятнадцать лет [не за пару дней!] <...> все усилия нашей культурной, общественной [и так далее] деятельности <...> имели целью мобилизовать нас самих и вещи [и эта цель стала главной]. <...> Но в начале Движения было не так [все мы жили тогда харизмой, но отец Джуссани говорит, что вначале было не так] <...> в самом начале Движения, в первые годы, мы строили не на ценностях, принесенных Христом, а на Христе. Назовите это наивностью, но [мы строили на] факте Христа, а потому на факте Его Тела, Церкви. В самом начале мы строили, стремились созидать на том, что происходило <...>, это была чистая позиция. <...> Мы ее покинули, остановившись на позиции, которая превратилась, я сказал бы, скорее в “культурную традицию”, чем в энтузиазм перед Присутствием, мы [именно потому, что сместились] не знаем <...> Христа» (*L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e liberazione*. Cinisello Balsamo-Mi: San Paolo, 2002. P. 100–101). Слава богу, Джуссани, позволяя харизме «происходить» на наших глазах (и мне кажется, он-то немного разбирался в харизме!), не дал нам растерять ее. Папа по сравнению с Джуссани говорил с нами слишком мягко. Джуссани помогал нам вновь переживать опыт харизмы, позволяя ей «происходить» согласно ее природе христианского события. Он помогал нам не отходить от нее и смещать центр со всего, что в нас преобладало, как поступал

и Иисус. Когда Иисус посылает учеников на миссию (не на воровство!) и те возвращаются довольные своими деяниями, Он говорит им: «Не радуйтесь этому, ведь для жизни это не важно. Радуйтесь тому, что ваши имена написаны на небесах». Вся жизнь Иисуса с учениками была постоянной децентрализацией, вплоть до ее фотофиниша, вплоть до событий, которыми завершается Евангелие: «Петр, любишь ли ты Меня?» – «Да». – «Тогда следуй за Мной». И Петр следует и в последний момент говорит: «А что же Иоанн, который идет позади нас?» – «Перестань, выйди из центра и следуй за Мной!» Будем помнить об этом, открывая происходящее – не только через рассуждения, но и посредством взаимного свидетельства, открывая то, что нас поражает, то, что Он продолжает творить между нами, помогая нам понять. Вот рабочая гипотеза, которую необходимо проверить, удивление, к которому нужно прийти – лично и сообща. Мы вернемся к этому на упражнениях Братства.

На следующей школе общины, которая состоится в мае, мы будем работать над введением в упражнения Братства. Вплоть до упражнений продолжаем работать над третьей главой книги «Зачем Церковь». Одно не оторвано от другого. Мы видели, как встреча с папой помогла нам лучше понять текст школы общины и как текст школы общины помогает нам понимать встречу с папой.

На сайте Движения опубликована листовка с обращением папы Франциска к Движению во время аудиенции 7 марта. Мы отправились в Рим, чтобы спросить у папы, как не утратить свежесть харизмы, и папа нам ответил. «*Roma locuta, causa finita est*» (Рим высказался, дело окончательно закрыто). Сейчас первая задача – не добавить другие слова, а всерьез принять сделанное нам предложение и начать жить им как рабочей гипотезой. Только так мы сможем увидеть, как слова, сказанные папой, осветят нашу жизнь. Эта работа также поможет нам подготовиться к упражнениям Братства. Если вы хотите поделиться свидетельством о пережитом опыте или задать вопросы, возникшие в ходе работы, словом, внести вклад в приближающиеся упражнения, можете писать на адрес sdccarron@comunioneliberazione.org, указав в теме письма: «Esercizi Fraternità».

Для пасхального плаката мы использовали отрывок из речи папы 7 марта (могло ли быть иначе? «Все в нашей жизни – сегодня, как и во времена Иисуса – начинается со встречи. Со встречи с Тем Человеком, плотником из Назарета, Человеком, как каждый из нас, и в то же время инаковым.

Вспомним Евангелие от Иоанна и рассказ о первой встрече учеников с Иисусом (ср. *Ин. 1, 35:42*). Иоанн, Андрей, Симон ощутили, что Он прозрел их до самых глубин, познал в них самое сокровенное, и потому в них родилось удивление, изумление, в силу которого они тотчас ощутили себя связанными с Ним... Когда я говорю о встрече, мне вспоминается картина Караваджо “Призвание Матфея” в церкви Святого Людовика Французского, перед которой я подолгу стоял всякий раз, когда приезжал в Рим. Никто из присутствовавших при том событии, включая падкого до денег Матфея, не мог поверить посланию, заключенному в указующем персте и отражавшемся в глазах, что взглянули на Матфея с милосердием и избрали его для следования. Он был поражен встречей. Главное место встречи – ласка Христова милосердия». Этот текст нужно держать в уме, чтобы в полной мере удивляться Присутствию. Невозможно смотреть на лицо Матфея и не видеть, как в его глазах отражается обращенный к нему взгляд.

Во время Страстной Недели постараемся уподобиться Христу, Который пришел ради того, чтобы собрать воедино нашу жизнь. Будем поддерживать друг друга и просить об этом друг для друга.

Всем светлой Пасхи!

Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу

Veni Sancte Spiritus